

4.

Вопрос «зачем» люди совершают те или иные поступки настолько прост, что для ответа на него трагедия не нужна. Она не отвечает и на вопрос «почему», но вполне неожиданный ответ может прийти как озарение тем, кто соглашается пережить её катарсис.

О том, что нарушившего некий высший закон, даже по неведению, ждёт неминуемая расплата, мы, в общем-то, догадываемся интуитивно ещё и до этого опыта. Трагедия передаёт нам знание о том, о чём мы не можем догадаться. Но может быть, не следует спешить, называя это знанием – оно не из тех знаний, которые легко удержать в памяти, и вскоре покинет нас. Мы можем только вновь и вновь обретать его, отдаваясь в объятия трагедии – или иного опыта, предоставляемого искусством. Есть и другие пути, но этот самый доступный и, говоря откровенно – наиболее щадящий.

Преступление Эдипа – не его прямая вина. У него были соучастники.

Мы уже коснулись странного, противоречивого отношения человека к предсказаниям. Сначала он слепо верит им, нисколько не сомневаясь, что они исполнятся. А затем всё же пытается ускользнуть от их исполнения своими примитивными средствами. Так поступил в своё время Эдип, сбежав от родителей. Но то же самое проделали властители Фив, решив убить своего ребёнка.

Конечно подобное предсказание – вещь пугающая. Возможно, вообще следует избегать таких заглядываний в будущее. Но раз уж тем или иным образом ты с этим предсказанием столкнулся – так ли следует обращаться с провидением, с жизнью, с самим собой?

Может быть правильнее работать с провидением на том высоком уровне, которым оно определяется, а не бороться с ним практичным своим умом и примитивной сообразительностью. Да, что бы ты ни делал на свой лад – ты не выйдешь из рамок провидения, потому что тебе не дано видеть целостную картину мира. Но если найдёшь силы стать с ним вровень, может быть удастся его исправить, прожить предсказание по-своему или раскрыть его инносказательный смысл.

Убийство собственного ребёнка – не менее тяжкое преступление, чем будущее, гипотетическое убийство им своего отца, которое ничем не обусловлено, кроме намёка Оракула. Уж не говоря о просто убийстве, на котором лежит вечный запрет для человека. И это может показаться первым из откровений трагедии: преступление нельзя разрешить преступлением. Однако в трагедии – несколько действующих лиц. И каждому предоставлена возможность изменить её ход.

Надо-то было всего лишь удержать дрожь в коленях, понадеяться на свои силы и мудрость родителей и остаться в Коринфе. Он не встретил бы отца и не убил бы его. Не попал бы в Фивы и не женился бы на матери. И в Коринфе всё образовалось бы, потому что там-то никакой угрозы на самом деле и не было – это были не его родители. Но для этого необходимо было собрать волю и встретить пророчество лицом к лицу. Кто-то когда-то должен был это сделать.

Кто-то, вместо того чтобы ускользнуть, должен взять всё на себя, как и положено человеку. Начиная с Лая и Йокасты, решивших убить сына и в результате не столько исполнивших свою роль в трагедии, сколько бездумно её запустивших. Неизвестно, как развивалась бы судьба преступных родителей, если бы Эдипу удалось удержаться и изъять

себя из этой трагической коллизии. Возможно их ждала какая-то иная расплата, и это стало бы сюжетом другой трагедии, с другим именем в названии.

До поры до времени у Эдипа оставался шанс. Потом было уже поздно.

И трагедия (как и сам миф), со всей убедительностью излагающая ход событий, попавших в сферу влияния так называемого Рока, неумолимого сцепления внутренних и внешних причин и следствий, вызывает в нас неожиданное осознание, прозрение о скрытых возможностях человека, не используемых им. Это чувство не является прямым результатом столкновения противоборствующих сил – оно вообще располагается вне коллизии и приходит к нам из Восьмого дня, как наитие.

И, скорее всего, вновь затуманится, ослабеет посреди захватывающих нас ежедневных дел.

Позднее, наше растревоженное этими переживаниями сознание, оставаясь в состоянии поиска обнаружит, что тема отцеубийства и сыноубийства или самоизгнания детей, как попытки его предотвратить, устойчиво присутствует в мифологии самого начала, с космогонии, мифа о сотворения мира. И первым преступником был сын основателя вселенной Урана Кронос, пожиравший своих детей сразу после рождения, стремясь избежать предсказанной ему гибели от сына. Потом этот сюжет повторяется у греков много раз в разных вариантах. Избежать рокового исхода, как правило, никому не удаётся.

Откуда взялась эта настойчиво внедряемая мифом идея? Что за неустранимая сила присутствует в природе, побуждающая сына погубить отца, и есть ли такая сила? Есть. Но только содержится она в природе совсем не в такой радикальной форме, какую на первый взгляд предлагает миф, всего лишь побуждающий нас задуматься о самих себе.

Речь идёт не о сознательном и волевом преступлении отпрыска, а о том, что самим возникновением и существованием своим он предопределяет продолжение жизни и рода, уже не зависящее от родившего его предка. Он как бы свидетельствует о том, что функция родителя выполнена, и жизнь в его участии, в общем-то, более не нуждается.

Но это лишь одна, внешняя, биологическая сторона бытия. Ещё одним, более житейским её проявлением может служить хорошо известное противостояние отцов и детей. Для ранних времен человечества, когда идея рода ещё преобладала над более поздними идеями общества и личности, эта тонкая насмешка природы могла будоражить воображение и породить самые крайние представления. Но демонстрируя её в такой острой форме, миф лишь испытывает человека, бросает ему вызов: «Такова природа. Согласен ли ты подчиниться её законам? Или берёшься противопоставить им иные ценности, более соответствующие твоему положению и роли в мироздании?»

Надо помнить, что все эти инструменты познания никогда не дают советов и не диктуют правил. Они лишь стимулируют человека к внутренней работе принятия решений. И следующий такой инструмент, трагедия, открывает нам, что происходит, когда человек подчиняется природе, безоговорочно принимая предсказания оракула. Оракул говорит языком мифа, это ещё не Рок.

В этом смысле Рок – это, с одной стороны, в самом деле неотменимый закон, которому приходится следовать, но с другой – это закон не природный, а гораздо более высокого уровня, его не следует пугаться, и лучше обращаться с ним грамотно.

Особенностью греческой трагедии является ещё и то обстоятельство, что разрешение не становится полным её исчерпанием. Сюжет до некоторой степени восстанавливает

справедливость или равновесие – и этого оказывается достаточно для переживания некоего разрешающего катарсиса, – но ситуация остаётся чреватой новым развитием уже случившихся нарушений высшего закона.

История Эдипа, например, не завершается его ослеплением или изгнанием, и даже смертью. У него есть четверо детей, рождённых в преступном браке, и им не суждено выпутаться из трагической последовательности событий. Трагедия Эдипа продолжается гибелью его сыновей и переливается в трагедию дочери, Антигоны, а затем – Креонта, теряющего единственного сына. Смерть Медеи оставляет неразрешённой судьбу Язона, у которого на совести соучастие во всех её преступлениях и измена ей самой. Настоящая сущность трагического в жизни человечества, конечно же не должна сводиться к подобной веренице бед.

Но представим себе такое положение, где универсальное столкновение объективных действующих в мире начал пробует свои силы на могучей и глубокой индивидуальности. Вот объявился герой, который находит в себе силы встретить Провидение лицом к лицу. Что может произойти с таким персонажем, оказавшимся внутри трагического конфликта?

Усваивая уроки «Эдипа», человечество готовилось к ответу на этот вопрос в течение двадцати одного столетия, успев приобрести и некоторый иной опыт.

Первое преступление – братоубийство, восходит к библейским Каину и Авелю. Но там кроме Адамова семейства первых людей не было, так что в основе своей и общем значении это просто человекоубийство. И – первый абсолютный и недвусмысленный запрет на него. Дальше начинается уже человеческое отступление от первооснов и хитроумная дифференциация: братоубийство, матереубийство, отцеубийство и просто убийство, и возникает немислимая сравнительная шкала преступлений: тяжелее-легче, а суждение о самом убийстве постепенно сползает от «нельзя» к «нехорошо». (Ещё несколько столетий, и возникнет массовое убийство, которое пока всё ещё «нельзя», но нет никаких оснований полагать, что и оно со временем не сможет уложиться в простое порицание – «нехорошо». Например, в связи с возможностями современного оружия, иногда используемого в справедливых целях).

Русский философ усомнился во внутренней необходимости Гамлета так сильно верить в уже пережитый высшим сознанием человеческим, нехристианский закон кровной мести. Он счёл это обстоятельство случайностью, произвольно внесённой автором. И при этом он столь же справедливо замечает, что даже если допустить в Гамлете эту случайную архаическую силу, трагедии все-таки не получается: то есть, в этом случае Гамлет прямо исполняет свой мнимый долг, убивает злодея-узурпатора, занимает по праву престол, и это всего лишь частная драматическая коллизия. Или, если угодно – предлог для развёртывания новой трагической коллизии, так как по высшему закону убийство само по себе не может восстановить связь времён.

И по мнению философа, кроме случайной веры Гамлета в закон кровной мести, для трагедии требовалось еще одно условие – неспособность Гамлета исполнить вообще какой-нибудь закон, необходимость оставаться только мыслителем, а не деятелем, одним словом – требовался определённый человеческий характер.

Мы сталкиваемся здесь с относительно новым делением трагедии на два рода: древнюю трагедию общей необходимости и новую трагедию индивидуального характера. Вот как раз индивидуальный характер нас сейчас больше всего и интересует. А именно – сильная индивидуальность, способная удержать дрожь в коленках, встретившись со своей трагической

судьбой, как общей необходимостью. Здесь нет никаких двух родов, это всё та же трагедия. Только герой её попрос и возмужал.

Я взялся объяснить, почему не стоит задаваться вопросом «Зачем это всё?», а мы уже миновали художественное творчество, греческую трагедию и въезжаем в Шекспира. Но я не обещал уложить объяснение в несколько минут. Я попросил у вас не больше восьми минут в день, и слово своё держу.

Если вы ухитряетесь задержаться на шестнадцать или даже на двадцать четыре – мне понятно ваше нетерпение, хотя, честно говоря, я сомневаюсь в пользе такого расточительства и не рекомендую вам это делать, как Эжен Ионеско не советовал вставать к произведениям искусства в отношении музейного хранителя и видеть в них красивые предметы: «Сделайте всё, чтобы эти предметы, обращающиеся к самой глубине вашего существа, чтобы все эти загадочные лики стали для вас самой мучительной, самой поработавшей, самой освободительной проблемой вашего человеческого и душевного опыта», - говорил зачинатель театра абсурда.

Пусть это будет самой большой из ваших проблем – это уже я добавляю.

Слова Декарта остаются в силе, и лучше бы нам не рисковать.